

УДК 930.2:94(477.75)"1613-1616"

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.293-315

**СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА
ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНЕСЕНИЙ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ
В КРЫМУ В 1613–1616 гг.**

А.В. Виноградов

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
avinogradov1957@yandex.ru*

Цель исследования: реконструкция расстановки сил в политической элите Крымского ханства в 1613–1616 гг.

Материалы исследования: представлены широким кругом опубликованных и архивных источников: в первую очередь разрядные книги и посольская документация Русского государства.

Результаты и научная новизна: автор рассматривает ранее малоизученный период дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства после воцарения Михаила Федоровича Романова – 1613–1616 гг.: пребывание в Крыму посольства А. Лодыженского и П. Данилова с осени 1613 г. по июль 1614 г., подготовку и проведение посольского съезда и размена под Ливнами в августе 1614 г., пребывание в Крыму посольства князя Г.К. Волконского и П. Овдокимова с августа 1614 по июнь 1615 гг., подготовку и проведение посольского размена под Валуйками в июле 1615 г., пребывание в Крыму посольства И. Спешнева и Б. Нестерова с июля 1615 по май 1616 гг. Показана роль политической элиты Крымского ханства, представленная наиболее влиятельными лицами из состава дивана хана Джанибек-Гирей, в установлении мирных взаимоотношений между Русским государством и Крымским ханством в условиях их военно-политического противостояния с Речью Посполитой. Рассмотрена роль отдельных кланов крымской знати в осуществлении дипломатических связей между двумя государствами.

Ключевые слова: Крымское ханство, хан Джанибек-Гирей, посол князь Григорий Константинович Волконский, посол Исаак Спешнев, бек Ахмед-паша Яшлавский – «князь Сулешев», Ибрагим-мурза Яшлавский, Мусабек-ага, бек Богатыр-Гирей «Дивеев» Урак-мурза – князь Петр Арасланович Урусов, Зурбек-мурза – князь Александр Арасланович Урусов

Для цитирования: Виноградов А.В. Состав политической элиты Крымского ханства по материалам донесений русских посольств в Крыму в 1613–1616 гг. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 293–315. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.293-315

**STRUCTURE OF POLITICAL ELITE OF THE CRIMEAN KHANATE
ACCORDING TO THE MATERIALS OF REPORTS OF RUSSIAN EMBASSIES
IN CRIMEA IN 1613-1616**

A.V. Vinogradov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
avinogradov1957@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article investigates the alignment of forces in political elite of the Crimean Khanate in 1613–1616.

Research materials: A wide range of published and archived sources – books and ambassadorial documents of the Russian state.

Results and novelty of the research: The author discusses the little-studied period of diplomatic relations between the Russian state and the Crimean Khanate in 1613–1616, after the accession of Mikhail Fedorovich Romanov: the stay of the embassy of A. Lodyzhensky and P. Danilov in Crimea from autumn 1613 to July 1614, the preparations and implementation of an embassy congress and exchange near Livny in August 1614, the stay of the embassy of Prince G.K. Volkonsky and P. Ovdokimov in the Crimea from August 1614 to June 1615, the preparation and implementation of the embassy exchange near Valuyki in July 1615, and the stay of the embassy of I. Speshnev and B. Nesterov in Crimea from July 1615 to May 1616. The author shows the central role of the political elite of the Crimean Khanate, meaning the most influential people in the government of Janibek Giray Khan, in establishing peaceful relations between the Russian state and the Crimean Khanate in the framework of their parallel military-political confrontation with the Polish-Lithuanian Commonwealth. The article also discusses the role of individual clans of the Crimean nobility in the implementation of diplomatic relations between the two states.

Keywords: Crimean Khanate, Janibek Giray Khan, ambassador Prince Grigory Konstantinovich Volkonsky, ambassador Isaak Speshnev, bek Ahmed-pasha Jashlavsky – “Prince Suleshev”, Ibragim-murza Jashlavsky, Mussabek-aga, bek Bogatyr Giray “Diveev”, Urak-murza – Prince Petr Araslanovich Urusov, Zurbek-murza – Prince Alexander Araslanovich Urusov

For citation: Vinogradov A.V. Structure of Political Elite of the Crimean Khanate according to the Materials of Reports of Russian Embassies in Crimea in 1613–1616. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 293–315. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.293-315

Проблема взаимодействия политической элиты Крымского ханства с московской дипломатией на протяжении XVI и XVII столетий не получила достаточного освещения в отечественной историографии. Между тем именно характер личных отношений между лицами, входящими в состав дивана крымских ханов, именуемыми в русской посольской документации по связям с Крымом «ближними царевыми людьми», и московскими дипломатами, определял ход переговоров как в Бахчисарае, так и в Москве.

Формально в начале XVII столетия на вершине иерархии Крымского юрта помимо представителей династии Гиреев находились карача-беки пяти кланов: Ширинов, Аргынов, Барынов, Кыпчаков, Седжуитов. Близкое к ним

положение занимал клан Мансуров¹. Однако в состав ханского дивана входили «представители знати, выдвинутые ханами» – лица, либо являвшиеся сторонниками правящего хана, связанные с ними личными отношениями, прежде всего аталычества, либо обладающие политическим весом, позволяющим им оказывать влияние на принятие решений [8, с. 435]².

С периода правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577) в состав дивана постоянно входили фамилии, принадлежавшие к клану Кыпчаков – Яшлавские и «Кулюковы», именующиеся в русской посольской документации «князя Сулешевы» и «князя Куликовы», главные претенденты на «амиатство» в сношениях с Русским и Польско-Литовскими государствами [4, с. 28–29; 8, с. 435]. Почти постоянным, по крайней мере с 1563 года, было представительство клана Мансуров, за исключением периода 1584–1588 гг., когда этот род открыто выступил против хана Ислам-Гирея II [18, с. 360–362].

В течении первого правления Гази-Гирея II (1588–1596) в составе дивана сохранялось представительство Ширинов, в лице племянника хана бека Кутлу-Гирея, Яшлавских («князей Сулешевых»), в лице бека Мурада, а после его смерти зимой 1590/1591 гг. его брата Ахмед-паши, «князей Куликовых» в лице беков Дербыша и Касима, а также Мансуров («князей Дивеевых») в лице бека Арслана [4, с. 39–40]. При этом карача-беки основных кланов, за исключением Арслана «Дивеева», в составе дивана отсутствовали. К концу первого правления Гази-Гирея II состав его дивана претерпел существенные изменения в связи со смертью во время походов хана в Центральную Европу и в Молдову 1594–1596 гг. ряда ключевых фигур, в том числе Арслана «Дивеева» и Дербыша «Куликова». Главную роль в диване играли Ахмед-паша Яшлавский, Ахмед-ага и Абдель Ази Челеби («казначей») [4, с. 40].

После династического кризиса 1596–1597 г. состав дивана в период второго правления Гази-Гирея II (1597–1607) сохранил определенную преемственность. Однако после династического кризиса летом 1601 г., связанного с конфликтом хана с калгой Селамет-Гиреем, в составе дивана произошли изменения, в частности убитого Кутлу-Гирея Ширинского заменил его брат Богатыр-Гирей.

При прибытии в сентябре 1604 года гонца Джан Ахмеда Челеби его сопровождали многочисленные гонцы от крымской знати. Из них на аудиенцию к царю Федору Борисовичу Годунову были допущены 18 гонцов (из общего количества 38 включая Джан Ахмеда Челеби). Из 18 гонцов при распределении жалования после аудиенции были отмечены по порядку внесения в роспись по два гонца (соответственно к царю Борису и к царевичу Федору Борисовичу) от бека Богатыр-Гирея Ширинского, от бека Ахмед-паши Яшлавского, от Ахмед-аги и от Абдель Ази Челеби. Далее в росписи следовали гонцы от Араслана «князя Сулешева» (племянника Ахмед-паши), от бека Заграпа из клана «князей черкасских», от Касыма «князя Куликова», от его племянника (сына бека Дербыша) Сеферь-Газы «князя Куликова», от Мустафы «князя Перкопского» и, наконец, после перечисления гонцов от «царева шурина» Кантан-мурзы и нескольких «ближних людей» калги Тохтимыш-Гирея, последними отмечены гонцы от Касима «князя Мангытского»³ [1, с. 162–163].

¹ О месте Мансуров в иерархии основных крымских кланов [18, с. 224–225].

² Подробнее о структуре состава дивана крымских ханов в 60–90-х гг. XVI в. [4, с. 26].

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1604 г. Д.2, лл. 35–38.

Таким образом, по иерархии распределения «жалования» гонцам от «ближних царевых людей», прибывших вместе с посланником Джан Ахмедом Челеби, ведущие позиции в диване сохраняли Ахмед-паша Яшлавский, Ахмед ага и Абдель Азиз Челеби. Послания от этих лиц были внесены в «столбцы» дела по приезду гонцов во главе с Джан Ахмедом Челеби⁴ [1, с. 179–181, 181, 181–182].

Характерно, что в своем послании царю Борису Федоровичу, Ахмед-паша приводит слова хана, адресованные, впрочем, русскому послу в Крыму князю Федору Петровичу Барятинскому о том, что у него (хана) «амиатах добрых Ахмед-паша князь, Ахмед-ага, Абдул Азиз Чилибей⁵» [1, с. 179]. Отправитель, исходя из общего контекста послания, явно двойко трактует слова хана и как свое согласие на «коллективное «амиатство» в отношениях с Москвой, и как подчеркивание своего первенства в ханском диване [4, с. 40].

Роспись по распределению «жалования» отражает резкое падение в Москве престижа клана Мансуров. Первенство в росписи гонцов от бека Богатыр-Гирея Ширинского, возможно, не отражает его политического влияния, а является «данью традиции» – признаваемого Москвой первенства Ширинов среди крымской знати, а также его родством с правящим ханом, которому он приходился племянником по матери Кутлу-Султан, дочери хана Девлет-Гирея I.

В правление Селамет-Гирея (1608–1610) полные сведения о составе его дивана в русской посольской документации отсутствуют. Отмечено сохранение позиций Ахмед-паши Яшлавского и восстановление позиций Мансуров в лице Богатыр-Гирея «князя Дивеева», который становится одним из ведущих военачальников Крымского юрта [12, с. 265; 13, с. 79]. Вероятно, свои позиции сохранил Ахмед-ага, который, по сведениям послов А. Лодыженского и П. Данилова, был еще жив в 1613–1614 гг. и входил в состав дивана хана Джанибек-Гирея.

С восстановлением, после избрания царя Михаила Федоровича, интенсивных «ссылок» с Крымом, сведения о персональном составе и о расстановке сил в диване хана Джанибек-Гирея (1610–1623) становятся важнейшей частью донесений всех без исключения русских дипломатических миссий, отправляемых в Крым в 1613, 1614 и в 1615 гг. – посольств Амвросия Лодыженского, и подьячего Петра Данилова, князя Григория Константиновича Волконского и дьяка Петра Овдокимова, Исаака Спешнева и подьячего Богдана Нестерова.

Ввиду исключительной важности для Москвы отношений с Крымом, как потенциальным военным союзником против Речи Посполитой, позиция ведущих «ближних людей» хана Джанибек-Гирея имело огромное значение. Прежде всего речь шла о позиции клана Яшлавских – «князей Сулешевых», который с 1591 года возглавлял Ахмед-паша. Уже летом 1613 года, после прибытия в Москву большой группы крымских гонцов во главе с Аллаш Богатыром, определилось сохранение позиций Ахмед-паши и всего клана Яшлавских на «московском направлении» внешней политики Крымского юрта. С Аллаш Богатыром в Москву прибыл гонец от Ахмед-паши, доставивший

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1604 г. Д.2, лл. 144–148, 148–149, 150–151.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1604 г. Д.2, л. 145.

послание на имя царя Федора Ивановича с изъявлением о готовности сохранять прежние отношения «амиатства», а также об организации выкупа из Крыма полоняников, что в XVI веке являлось преимущественно прерогативой Яшлавских [17, с. 42].

Яшлавские с 60-х гг. XVI века последовательно входили в состав диванов всех крымских ханов: скончавшийся после 1571 года бек Сулеш дивана Девлет-Гирея I, его старший сын Мурад – также Девлет-Гирея I, затем Ислам-Гирея II, и Гази-Гирея II. После смерти бека Мурада зимой 1590/1591 гг. его место в диване Гази-Гирея II занял его брат Ахмед-паша, сохранявший свою должность при всех последующих крымских ханах (возможно, за исключением кратковременного правления Фетх-Гирея в 1596 году) вплоть до своей кончины в 1616 году. Фактически непрерывное пребывание Яшлавских в составе ханских диванов определялось их особой ролью в русско-крымских отношениях.

Отношения Яшлавских-«Сулешевых» с Москвой с начала XVI века определялись их претензиями на наследственное «амиатство», что позволяло им осуществлять контроль над «московским направлением» внешней политики Крымского ханства⁶. В правление Мухаммед-Гирея II (1577–1584 гг.) Яшлавские в конце 70-х – начале 80-х гг. добились постоянного назначения послами в Москву только представителей их рода [3, с. 48–57]. При этом Яшлавские с 1584 года проводили и посольские размены, скоро трансформировавшиеся в съезды и размены в качестве т.н. «разменных послов», однако при участии других крымских кланов. В ходе династических распрей в Крыму в правлении хана Ислам-Гирея II (1584–1588) позиции Яшлавских при осуществлении «ссылок» с Москвой существенно ослабли, что было связано с переходом на сторону сыновей Мухаммед-Гирея II, крымского посла в Москве, Янши-мурзы брата бека Мурада. Его сыновья князья Сулешевы в дальнейшем заняли сильные позиции в составе государева двора при царе Михаиле Федоровиче⁷. В начале 90-х гг., в первые годы правления Гази-Гирея II, позиции Яшлавских частично были восстановлены. Ахмед-паша при хане Гази-Гирея II провел два посольских съезда: при его первом правлении – в ноябре 1593 года под Ливнами, при его втором правлении – в мае 1602 года под Царевом Борисовым. При правлении хана Селамет-Гирея Ахмед-паша сохранял свои позиции в «ссылках» с Москвой, участвуя в июле 1609 г. в переговорах у реки Ока с боярами: князем И.М. Воротынским, князем Б.М. Лыковым и окольным А.В. Измайловым, когда он сопровождал крымские силы во главе с Богатыр-Гиреем «Дивеевым», отправленные по просьбе царя Василия Шуйского против Лжедмитрия II. Именно Ахмед-паша был «главным переговорщиком» при заключении соглашения об одномоментной выплате 30 тысяч рублей за помощь против «воров» с последующей ежегодной выплатой 20 тыс. рублей. В дальнейшем, посланным для заключения «докончания» с ханом Джанибек-Гиреем послам, князю Г.К. Волконскому и П. Овдокимову, предписывалось не упоминать об этом соглашении, а в случае, если Ахмед-

⁶ О институте «амиатства» [3, с. 28–30; 13, с. 19].

⁷ Автор именует московскую ветвь Яшлавских «князья Сулешевы», а крымскую – Яшлавские-«Сулешевы». Как «князья Сулешевы» Яшлавские именуются в русской посольской документации по связям с Крымом после смерти бека Сулеша с конца 70-х гг. XVI в.

паша затронет эту тему, дезавуировать обязательства «царя Василия»⁸. Это оказалось оправданным: в ходе посольского съезда и размена под Ливнами, Ахмед-паша, во время переговоров с «разменными послами», во главе с князем Г.П. Ромодановским, напомнив об обязательстве «царя Василия» Богатыр-Гирею «князю Дивееву» выплатить 30 тыс. рублей, получил жесткий отпор со стороны послов⁹.

Осенью 1613 года Ахмед-паша упоминался в московском делопроизводстве как дядя князя Юрия Яншеевича Сулешева, сына Енши-мурзы, который начинает свою успешную карьеру в составе двора царя Михаила Федоровича. Князь Юрий Яншеевич и его брат князь Василий Яншеевич при царе Михаиле Федоровиче, благодаря своим родственным связям как с московской, так и с крымской знатью, а также деловым качествам, стали виднейшими деятелями его правления [2, с. 145–146; 14, с. 192–193, 316–321, 491–494]. При этом в Москве было прекрасно известно об их родственных связях, которые рассчитывали использовать в «ссылках» с Крымом [5, с. 161–162]. 18 сентября 1613 года, в разгар подготовки к отправлению посольства А. Лодыженского и П. Данилова в Крым, произошел многозначительный эпизод. Со стольником, князем Ю.Е. Сулешевым, пытался местничать, при назначении рындами на церемонию приема персидского посла, стольник И.П. Шереметев. Однако ему было указано, что ему «с князем Юрием быть мочно по (его) иноземству» [7, стб. 170]. Таким образом, был признан высокий статус московских князей Сулешевых, как представителей одной из наиболее знатных фамилий Крыма. При разборе дела царем с боярами были подробно рассмотрены родственные связи князя Юрия Яншеевича. Михаил Федорович «спрашивал бояр: сколь велик в Крыму князь Юрьи Сулешев... И бояре говорили: в Крыму Ахмед-паша Сулешев у царя ближний и великий человек, а князь Юрьи ему племянник» [15, с. 304]. Роль Ахмед-паши в составе «ближних царевых людей», как мы видим, представлялась тогда в московских верхах бесспорной, и разъяснений не требовала.

В «наказе», данном в октябре 1613 г. послам А. Лодыженскому и подъячому П. Данилову, предписывалось при всех конфликтных и неожиданных ситуациях, как в случае смены хана на престоле, обращаться к Ахмед-паше, «и иным царевым ближним людям» [17, с. 41]. В тексте документа постоянно фигурирует формулировки «приказывать к царевым ближним людям, к Ахмед-паше», «посылати к царевым ближним людям, к Ахмед-паше и к иным» [17, с. 31, 32]. Послам было предписано обсудить с Ахмед-пашой вопросы выкупа у него пленников, о чем он известил со своим гонцом при прибытии ханского гонца Аллаш Богатыра [17, с. 42].

Таким образом, при отправлении в Крым 24 октября 1613 года посольства А. Лодыженского и подъячего П. Данилова, в руководстве посольского приказа уже исходило из того, что Ахмед-паша по-прежнему контролирует «московское направление» внешней политики Крыма, хотя и не представляли в полной мере масштабы его влияния.

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.2, лл. 162–163. Указывалось, что Богатыр-Гирей «Дивеев» нарушил свои обязательства при принесении шерти и увел свои войска обратно в Крым [12, с. 265].

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, л. 112.

В мае 1614 года П. Данилов вернулся в Москву вместе с крымскими гонцами во главе с Алеем-мурзой [12, с. 273]. П. Данилов сообщил, что в ходе переговоров в Крыму было решено, что посольский съезд и размен будет опять проводить Ахмед-паша, что фактически явилось подтверждением его «особых отношений» с Москвой. Официально это было объявлено А. Лодыженскому ханом Джанибек-Гиреем на отпускной аудиенции в Перекопе 30 мая 1614 года. «Для посольской розмены, для договору добрых дел» А. Лодыженского, и крымское посольство к московскому царю, должен был сопровождать Ахмед-паша «князь Сулешев» [17, с. 54–55]¹⁰.

При этом вторым «разменным послом» назначался его брат Ибрагим-мурза, хорошо известный в Москве¹¹. Местом проведения посольского съезда и размена в инструкциях А. Лодыженскому были обозначены Ливны, ввиду разорения Царева Борисова, что было принято крымской стороной [17, с. 28]¹². Ахмед-паша был против проведения съезда и размена под Ливнами, вполне обоснованно опасаясь за благополучное следование посольства в Крым, и предлагал осуществить его у крепости Волуйки. В дальнейшем в ходе переговоров в Крыму с послами князем Г.К. Волконским и П. Овдокимовым Ахмед-паше удалось настоять на проведении посольских разменов только под Волуйками. 16 июля 1614 г. посольство князя Г.К. Волконского и П. Овдокимова выступило из Москвы вместе с отпускаемыми крымскими гонцами [7, с. 242]¹³.

В «наказе» послам князю Г.К. Волконскому и П. Овдокимову иерархия «ближних царевых людей» (как она виделась в посольском приказе), отражалась в перечне грамот от имени царя Михаила Федоровича, которые было предписано вручить адресатам по прибытии в Крым. Адресаты перечислялись в следующей последовательности: бек Суфа Ширинский Ахмед-ага, Ахмед-паша «Сулешев», Богатыр-Гирей «Дивеев», Мусабек-ага, Араслан-мурза «Сулешев» (племянник Ахмед-паши), князь Петр Арасланович Урусов (Урак-мурза б. Джан Арслан)¹⁴. Эта была единственная грамота, внесенная в «наказ» в полном объеме, что отражало сведения, доставленные П. Даниловым, о высоком статусе именитого беглеца из Русского государства в Крыму. В «наказе», «данному разменным» послам во главе с князем Г.П. Ромодановским, давались детальные инструкции относительно переговоров во время посольского съезда с Ахмед-пашой Яшлавским. При этом возможность его замены в качестве «разменного посла» с крымской стороны не рассматривалась.

Посольский съезд и размен состоялся 5–7 августа 1614 г. под Ливнами [5, с. 166]. Доминирование Ахмед-паши в переговорах с разменными послами во главе с князем Г.П. Ромодановским было абсолютным. Собственно, все лица, участвующие в съезде и размене с крымской стороны, представляли

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1613 г. Д.1, лл. 89–90.

¹¹ Был захвачен в плен во время самостоятельного бек-баша в середине 80-х гг. и отпущен по просьбе брата во ходе посольского съезда и размена под Ливнами в ноябре 1593 года [6, с. 69–71]. В 90-х гг. именовался в русской посольской документации Ибрагим-паша. В дальнейшем именовался Ибрагим-мурза, с 1616 г. – Ибрагим «князь Сулешев».

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1613 г. Д.1, л. 21.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, л. 47.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.2, л. 23. Кроме грамоты князю П.А. Урусову (лл. 24–25), остальные тексты в «наказе» не приводятся. Указано, что все грамоты написаны «татарским письмом».

клан Яшлавских и их родственников. Так 13 «лучших мурз», получавших «разменное жалование» после принесения шерты, почти все были Яшлавские, начиная с Ибрагим-мурзы и, старшего сына Ахмед-паши, Тин-мурзы¹⁵. При этом, если в 1593 и 1602 гг. действия Ахмед-паши во время съезда и размена в определенной степени контролировались личным эмиссаром хана Гази-Гирея II, Ислам-огланом, сыном «ближнего человека» хана Девлет-Гирея I Ак-Мухаммед-оглана (Ахмед-улана), известного московским дипломатом как «бывший на Москве» до 1572 года «князь Федор», то при Джанибек-Гирее он был лишен всякой «опеки», как со стороны хана, так и других крымских кланов [4, с. 31; 6, с. 69–70; 9, с. 146–156]¹⁶. Как и в 1593, так и в 1602 годах Ахмед-паша вел препирательства о месте переговоров, которые также в конечном итоге состоялись (5 августа) на мосту через р. Сосна, а затем «на московской стороне реки»¹⁷. Шерть Ахмед-паша вновь приносил в шатрах установленных русскими послами «на своей стороне», у моста через реку Сосна. «Шертная запись» Ахмед-паши в составе русской посольской документации сохранилась и в составе «отписок» послов князя Г.К. Волконского и дьяка П. Овдокимова, и в составе данной им «наказной памяти»¹⁸, была опубликована Ф.Ф. Лашковым [10, с. 10–17]¹⁹. В донесении послов было отмечено, что шерть Ахмед-паша дал «как при розмене при князе Михаиле Хворостинине»²⁰. Таким образом, русская сторона исходила из того, что было заключено предварительное соглашение, включающее в себя как предварительную договоренность с ханом, так и личные обязательства Ахмед-паши и всего клана Яшлавских по формуляру, как и в 1593 году, составленному в посольском приказе [6, с. 73–74]. Это было определенным успехом московской дипломатии: в 1602 году под Царевом Борисовым Ахмед-паша шерть приносить отказался. Во время переговоров Ахмед-паша проявил себя в очередной раз неуступчивым партнером, причем это касалось не столько политических вопросов, сколько препирательств о количестве «поминок» и «запросов» хану, всем лояльным ему представителям династии Гиреев, а также предназначавшегося ему и представителям его клана «разменного жалования» [16, с. 18]²¹. Следствием этого явился конфликт Ахмед-паши с первым «разменным» послом князем Г.П. Ромодановским. В дальнейшем конфликт вылился в неприязненные отношения Г.П. Ромодановского с московскими родственниками Ахмед-паши, увенчавшийся, в августе 1621 года, местничеством князя Гри-

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, л. 99.

¹⁶ В русской посольской документации Ислам-оглан последний раз упоминается в 1604 г. в связи с приездом от него гонца к царю Борису Годунову в составе миссии Джан Ахмеда Челеби. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1604 г. Д.1, л. 107; [1, с. 172].

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, лл. 25–26, 56–74.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, лл. 91–94; 1614 г. Ед.хр.2, лл. 262–267.

¹⁹ Указана дата 6 августа 1614 г., в то время как по донесениям разменных послов во главе с князем Г.П. Ромодановским, Ахмед-паша был приведен 5 августа.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, л. 94.

²¹ Деловая часть переговоров, отраженная в «списке крымских вестей» разменных послов, была весьма результативной. В частности Ахмед-паша впервые обозначил проблему Шагин-Гирея как главную угрозу для хана Джанибек-Гирея. При этом Ахмед-паша фактически уклонился от обсуждения вопросов, связанных с союзными отношениями ногайского бия Иштерека с И. Заруцким. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.1, л. 113.

гория Петровича с князем Юрием Яншеевичем Сулешевым из-за мест за царским столом. Интересно, что при подаче «челобития» государю князь Г.П. Ромодановский обращался к обстоятельствам посольского съезда под Ливнами указывая, что «дядя князь Юрьев большой Ахмед-паша князь Сулешев» принял его требование прибыть на русскую сторону реки Сосна – «приезжал на съезд к нему в государев шатер» [7, стб. 477]. Однако князь Ю.Е. Сулешев резонно заявил, что «дядя его Ахмед-паша приходил к князю Григорью в шатер, почитая государево имя» [7, стб. 478]. В итоге князь Г.П. Ромодановский спор проиграл.

Как бы то ни было, посольский съезд и размен был проведен. В Крым двинулось посольство князя Г.К. Волконского и П.Овдокимова, а в Москву – посольство Мустафы-мурзы. Назначение первым послом в Крым князя Григория Константиновича Волконского в значительной степени определялось его опытом, приобретенным во время посольства в Крым в 1602 году, в том числе и его деловыми контактами с Ахмед-пашой Яшлавским во время посольского съезда и размена под Царевым Борисовом. Эти резоны руководства посольского приказа отчасти оправдались.

По прибытии в Крым посольства князя Г.К. Волконского и П. Овдокимова роль Ахмед-паши и в церемониальной, и деловой части приема русских послов оставалась главной в течение всего времени их пребывания, с сентября 1614 г. по июнь 1615 г. В сентябре 1614 г. послы пребывали около полевой ставки хана Джанибек-Гирея, который собирал войска около Перекопа для выступления в поход на Речь Посполитую. Ахмед-паша пребывал в ханской ставке. Послы были размещены неподалеку на «стану».

Ахмед-паша вел подготовку к аудиенции послов у хана, которая прошла в два дня 10 и 11 сентября 1614 г. Предварительные переговоры 8 и 9 сентября Ахмед-паши с послами, в которых участвовал 9 сентября «царев конюшей» Джан-мурза и князь Петр Арасланович Урусов, шли достаточно напряженно²². 8 сентября послы были вынуждены были «показать» Ахмед-паше «поминки» хану, которые должны быть вручены на аудиенции [13, с. 84]. 9 сентября, устами Джан-мурзы, крымская сторона потребовала увеличения количества «любительных поминок» и «запросных денег», считая обозначенные послами во время переговоров под Ливнами (десять тысяч рублей «запросов») недостаточными. Джан-мурза угрожал отказом хана от принесения шерти. Ахмед-паша и в «лучших традициях» приема в Крыму русских дипломатов потребовал «переписать, что кому привезли». Князь Петр Арасланович во время переговоров ничем себя не проявил. Присутствие знаменитого убийцы Лжедмитрия II, которого послам предписывалось по возможности уговорить вернуться в Москву, имело «демонстрационный характер», показывая его статус в иерархии «ближних царевых людей». Напротив, Ахмед-паша жестко полемизировал с князем Г.К. Волконским, вспоминая «недоданное» «при царе Борисе» во время посольского съезда и размена под Царем Борисовым. В ответ князь Г.К. Волконский напомнил о принесенной под Ливнами Ахмед-паше шерти, согласно которой он обязывался содействовать «доброму делу», но это не возымело никакого эффекта. Тогда послы напомнили о «разменном жаловании», розданным Ахмед-паше его сыновьям и бра-

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, лл. 12–17.

ту Ибрагим-мурзе во время посольского съезда и размена. После этого позиция Ахмед-паши изменилась. Выяснилось, что многие «князи и мурзы» недовольны «преференциями» Ахмед-паши и подняли в ханской ставке «большой шум». В конечном итоге с согласия Джан-мурзы Ахмед-паша отказался от требований «переписать» все привезенное послами в Крым, а также от требования прислать хану «поминки» и «запросы» до аудиенции. Уступчивость Ахмед-паши объяснялась пребыванием в ханской ставке других ключевых фигур ханского дивана. Это были бек Суфа Ширинский, «большой дьяк» Мусабек-ага и «казначей» Сеит-Казы. Бек Суфа Ширинский выполнял представительские функции, Сеит-Казы по традиции принимал привезенные послами «поминки» и «запросы». В наибольшей степени обозначилась роль в русско-крымских «ссылках» «большого дьяка» Мусабек-аги, занимающего пост фактически первого министра, вероятно сменив Ахмед-агу, который в донесениях послов не упоминается.

На аудиенции 10 сентября Мусабек-ага встречал послов у ханского шатра²³. Во время аудиенции он урегулировал серьезный конфликт протокольного характера, «упросив» хана Джанибек-Гирея встать при произнесении имени царя Федора Ивановича в приветственной «речи» послов²⁴. После аудиенции к послам явился Ахмед-паша и объявил, что принесение ханом шерти в присутствии послов будет на следующий день.

На аудиенции 11 сентября у ханского шатра послов встречали Ахмед-паша и «казначей» Сеит-Казы («а с ними многие князи и мурзы»). Доминировал Ахмед-паша, который произносил послам приветственную «речь». Непосредственно в шатре послов встретили бек Суфа Ширинский и Мусабек-ага, и спросив их «о здоровье» препроводили их к хану²⁵.

Аудиенция проходила в напряженной обстановке, связанной с отказом хана приводить к шерти своих «ближних людей», а также с отсутствием на ней калги Девлет-Гирея и нурадина Азамат-Гирея. Князь Г.К. Волконский в наибольшей степени знакомый с традициями приведения к шерти крымских ханов достаточно жестко указал на необходимость утверждения шерти личным составом ханского дивана. Хан «призвал к себе ближних своих людей» Суфу Ширинского Ахмед-пашу и Мусабек-агу, и, после непродолжительной беседы с ними, выразил согласие²⁶. При церемонии принесения шерти коран хану преподнес Мусабек-ага²⁷. Хан Джанибек-Гирей принес шерть на тексте договора, привезенного послами, который предварительно зачитал князь Г.К. Волконский. Порядок приведения к шерти «ближних царевых людей» был следующим: Суфа бек Ширинский, Ахмед-паша бек Яшлавский, Мусабек-ага, «казначей» Сеит-Казы, Ибрагим-мурза Яшлавский и «Ахмед-пашины дети» во главе с Тин-мурзой²⁸. Затем этот «список шертной записи» был отдан Волконским Ахмед-паше, который преподнес его хану²⁹.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, л. 26.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, лл. 27–28.

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, л. 33.

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, л. 37.

²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, л. 38.

²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, л. 40.

²⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, л. 41.

Джанибек-Гирей объявил, что этот текст, именуемый уже «шертной грамотой», будет переписан и вручен послам после его возвращения из похода на Речь Посполитую. Хан подчеркнул, что «шертная грамота» будет вручена послам Ахмед-пашой³⁰. На этом аудиенция завершилась, и послы отправились к себе на стан. Через несколько дней после очередных переговоров с Ахмед-пашой о недостаточном количестве привезенных «поминок» и «запросов» послы в сопровождении Ахмед-паши двинулись в Перекоп и далее на Бахчисарай. В пути Ахмед-паша вел напряженные переговоры с послами о порядке приведения шерти калги Джанибек-Гирея и нурадина Азамат-Гирея.

С конца сентября 1614 г. послы пребывали в Яшловском предместье Бахчисарая. Там они дождались возвращения хана из похода на Речь Посполитую. В январе–марте 1615 г. последовал поход на Речь Посполитую нурадина Азамат-Гирея. Однако положение послов, несмотря на выполнение ханом Джанибек-Гиреем условий заключенного договора, было непростым. Послы требовали предоставить текст «шертной грамоты» и два раза обнаруживали, что Ахмед-паша привозил им текст, в корне меняющий смысл подготовленного в Москве договора [5, с. 167].

Большую часть переговоров с послами вел Ахмед-паша. В сентябре 1614 г. в момент нахождения послов у Перекопа, где им давал в своей полевой ставке две аудиенции хан Джанибек Гирей, переговоры Ахмед-паши с послами имели место: два раза до аудиенций, три раза после аудиенций³¹. После размещения послов в Яшлове, предместье Бахчисарая, Ахмед-паша также вел переговоры в ноябре и декабре 1614 г., а также в январе и марте 1615 г.³² Участие других «ближних царевых людей» в переговорах было минимальным. В декабре 1614 один раз вместе с Ахмед-пашой к послам прибыл Сеферь-Газы «Куликов»³³. Иногда Ахмед-пашу сопровождал брат Ибрагим-мурза. Как правило участие в переговорах других «ближних царевых людей» было связано с переговорами о выплате «жалования». Неоднократно имели место прибытия вместе с Ахмед-пашой «ближних людей» калги Девлет-Гирея с требованием обозначить точное количество привезенных ему «поминок» в связи с предполагаемой аудиенцией.

При этом все переговоры политического характера, касающегося вручения послам текста утвержденной ханом «шертной грамоты», Ахмед-паша вел единолично. В январе «шертная грамота», на этот раз с незначительными изменениями в тексте, была принята послами [5, с. 167]. Началась подготовка к отпуску посольства и проведения посольского размена, которая полностью контролировалась Ахмед-пашой.

На последней стадии переговоров с Ахмед-пашой в марте 1615 года обозначилась конфликтная ситуация по вопросу о присылке «разменного жалования» ему и другим представителям клана Яшлавских на посольский размен. Ахмед-паша намерен был сопровождать к месту размена отпущенных послов и новое крымское посольство. Было решено, что посольский размен состоится теперь под Волуйками. Однако послы исходили из того, что, так как предварительное соглашение уже было заключено принесением шерти Ахмед-паши,

³⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, л. 42.

³¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 4, лл. 17, 42, 44, 46.

³² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, лл. 17, 53; Д. 4, лл. 84, 92, 100.

³³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 40.

«разменное жалование» московскому «амиату» и его многочисленным родственникам (сыновьям, брату и племянникам) может быть урезано.

Это вылилось в тяжелейший конфликт на отпускной аудиенции у хана Джанибек-Гирея 15 мая 1615 г., когда Ахмед-паша заявил хану, что без гарантий присылки «разменного жалования» он отказывается сопровождать к Волуйкам отпускаемое посольство. Компромисс был найден после решения хана отправить Ахмед-пашу на посольский размен при условии, что послы отправят в Москву служилых татар с требованием присылки ему «разменного жалования», которое должно будет доставлено ему в Волуйки [5, с. 169–170]. Опытного Волконского, помнящего времена хана Гази-Гирея II, потряс сам факт препирательств Ахмед-паши с ханом. Еще более удручающие впечатление на послов произвело явное стремление всех присутствующих на аудиенции «ближних царевых людей» поддержать позицию Ахмед-паши. На аудиенции 15 мая 1615 г. Яшлавские явно доминировали и в «деловой», и в «церемониальной» части приема. Ахмед-паша Яшлавский стоял третьим по левую сторону от ханского престола. Его брат Ибрагим-мурза с племянниками «Ахмед-пашинными детьми» стоял первым по правую сторону от ханского приема³⁴. Ишим-мурза б. Араслан, внучатый племянник братьев Яшлавских, встречал послов у ворот дворца³⁵. Иерархия других «ближних царевых людей» выглядела следующим образом: Сеферь-Газы «Куликов» стоял первым по левую сторону от ханского престола, а Мусабек-ага – вторым³⁶. При этом Мусабек-ага единственный, кроме Ахмед-паши, во время аудиенции обращался к послам, произнося им «речь» от имени хана³⁷.

После аудиенции ведущие лица, входящие в состав дивана, обозначенные в донесении послов как «бояре» (sic), вышли к послам из тронного зала дворца для подтверждения обозначенных на аудиенции Ахмед-пашой требований присылки «разменного жалования» как условия проведения им посольского съезда и размена. Они перечислялись в следующем порядке: бек Богатыр-Гирей «Дивеев», бек Ахмед-паша Яшлавский, Мусабек-ага, бек Кара, бек Сеферь-Газы «Куликов», Джан-мурза («конюший»)³⁸. При этом о выходе «бояр» послам объявил Ибрагим-мурза Яшлавский.

Влияние Ахмед-паши среди «ближних царевых людей» в донесениях русских послов проявлялось в важных деталях. Он постоянно именовался не просто «князем», а «карачеем», а при описании аудиенции 16 мая 1615 г. вообще «ближним карачеем царя»³⁹. До этого в русской посольской документации по отношению к главе рода Яшлавских этот термин никогда не употреблялся. Характерно, что ни Суфа Ширинский, ни Богатыр-Гирей «Дивеев» «карачееми» в донесениях послов не были названы ни разу.

Помимо в принципе ожидаемого доминирования Ахмед-паши при переговорах, послам князю Г.К. Волконскому и П. Овдокимову пришлось столкнуться с неожиданными изменениями в составе политической элиты Крым-

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 27.

³⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 26.

³⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 27.

³⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 31.

³⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 36.

³⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д. 3, л. 31.

ского ханства, имевшими далеко идущие последствия. Обозначился окончательный раскол клана Мансуров на две группировки, каждая из которых, по сути, представляла собой отдельное кочевое образование. Формально положение карача-бека занимал Богатыр-Гирей «князь Дивеев». Тем не менее, нет прямых указаний на то, что он был утвержден в этом ранге ханом, хотя и несомненно входил в состав дивана. Так в послании на имя царя Михаила Федоровича, доставленном в сентябре 1614 г., он описывал обсуждение на диване царской грамоты, врученной на аудиенции у хана послами А. Лодыженским и П. Даниловым, и отмечал, что «царь Джанибек-Гирей выслушав вашу грамоту с нами со своими карачеями» (sic) приказал совершить посольский размен⁴⁰. Как отмечено в донесениях послов, в ряде случаев, он занимал первое место в иерархии «ближних царевых людей». Кроме того, при распределении «жалования» послам от крымской знати, прибывших с посольством Мустафы-мурзы в Москву в сентябре 1614 г., его посол постоянно указывается вторым, вслед за формально старшим по рангу послом от бека Суфы Ширинского, а послы от Мусабек-аги, Ахмед-паши Яшлавского и Сеферь-Газы «Куликова» во всех «росписях» жалования отмечены далее⁴¹. Вместе с тем обозначилось влияние Кантемира-мурзы, который постоянно фигурировал в донесениях послов как глава самостоятельного улуса⁴². Интересно, что во время посольского размена под Волуйками князь Г.К. Волконский скептически оценил влияние Богатыр-Гирея «Дивеева» в ханском диване, предложив послам И. Спешневу и Б. Нестерову урезать ему «жалование» [13, с. 84].

В ближайшее окружение Кантемира-мурзы, как оказалось, входили братья князя Урусовы – Урак-мурза б. Джан-Арслан (Петр Арасланович) и Зурбек-мурза б. Джан-Арслан (Александр Арасланович), что существенно повлияло на выполнение послами данных относительно них инструкций. Князья Урусовы привлекали особое внимание, как сыновья Джан-Арслана, которого предполагалось противопоставить явно враждебному Москве бию Иштереку [18, с. 337]. Послы везли датированную июлем 1614 г. грамоту царя Михаила Федоровича знаменитому убийце Лжедмитрия II, князю Петру Араслановичу Урусову, призывавшего его вернуться в Москву, где он будет «пожалован по своему отечеству» и «даже выше прежнего»⁴³. Однако уже на пути в Крым после вступления посольства в улусы, контролируемые Кантемиром-мурзой, в августе прибывший к послам князь Александр Арасланович достаточно жестко обрисовал положение брата и свое собственное, как главных приближенных Кантемира-мурзы, пользовавшихся к тому же расположением хана⁴⁴. Это было подтверждено демонстративным присутствием князя Петра Араслановича во время переговоров накануне аудиенций у хана в сентябре у Перекопа. Впрочем, от контактов с Москвой Урусовы не отказывались. Вскоре, в ходе переговоров послов с Ахмед-пашой выяснилось, что Урусовы, при явном одобрении хана Джанибек-Гирея, намереваются добиться санкции Москвы на замену бия Ногайской Орды Иштерека на своего отца

⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.5, л. 93.

⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.5, лл. 33, 45.

⁴² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, л. 9.

⁴³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.2, лл. 24–25.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, л. 11.

Джан-Арслана⁴⁵. В дальнейшем, при пребывании посольства И. Спешнева и Б. Нестерова, эта интрига получила продолжение, причем теперь Иштерека должен был сменить один из братьев Урусовых [13, с. 94]. Смысл интриги заключался в планах перехода под контроль Бахчисарая Больших Ногаев, так как фигура Иштерека с его разнообразными политическими комбинациями вызывала серьезное беспокойство при дворе хана Джанибек-Гирея [19, с. 396–398]. Показательно, что именно Ахмед-паша «озвучивал» эти инициативы князей Урусовых перед послами – князем Г.К. Волконским и П. Огарковым. Ахмед-паша явно был в курсе всех замыслаемых в Бахчисарае политических комбинаций.

Влияние Ахмед-паши в ханском диване по наблюдениям послов было достаточно сильным. Сеферь-Газы «Куликов», глава клана, который на протяжении многих лет «конкурировал» с Яшлавским за влияние во внешнеполитических вопросах, уклонялся от каких-либо самостоятельных инициатив в отношениях с послами. Возможно, это объясняется тем, что в последние годы правления Гази-Гирея II он активно участвовал в «ссылках» с Речью Посполитой [4, с. 40]. Ввиду конфликта Крыма и Порты с Варшавой, Сеферь-Газы «держался в тени». Богатыр-Гирей «Дивеев» всегда поддерживал Ахмед-пашу в конфликтных ситуациях с послами на аудиенциях у хана. У послов складывалось впечатление, что в расположении Ахмед-паши был заинтересован и Кантемир-мурза «Дивеев». Единственной фигурой, не уступающей по влиянию Ахмед-паше в ханском диване, в том числе и при осуществлении «ссылок» с Москвой, оставался Мусабек-ага.

В посольском приказе на фигуру Мусабек-аги обратили внимание по прибытии в сентябре 1614 г. посольства Мустафы-мурзы, о чем свидетельствует достаточно высокий статус его гонца при получении «жалования». В доставленном тогда послании на имя царя Федора Ивановича Мусабек-ага обозначил себя как одного из влиятельных «ближних царевых людей», с которыми Джанибек-Гирей «подумав» решил, после прибытия посольства А. Лодыженского, «быть в дружбе и любви» с московским государем⁴⁶. Однако, в полной мере влияние Мусабек-аги среди «царевых ближних людей» проявилось при пребывании посольства И. Спешнева и Б. Нестерова.

В «наказе» данном в апреле 1615 г. послам И. Спешневу и Б. Нестерову иерархия «ближних царевых людей», которым надлежало «правити поклон» от имени государя и раздать «жалование» с толмачами и служивыми татарами на их «дворах», что традиционно показывало особое отношение к ним московских властей, выглядела следующим образом: «Суфа князь Ширинский», Ахмед-паша «князь Сулешев», Богатыр-Гирей «князь Дивеев», Мусабек-ага⁴⁷. Таким образом Мусабек-ага в иерархии «ближних царевых людей» (как она виделась в Москве) уступал Ахмед-паше.

Подтвержденное в ходе пребывания посольства князя Г.К. Волконского и П. Огаркова доминирование в «ссылках» с Москвой клана Яшлавских во главе с Ахмед-пашой, о чем послы докладывали с отпускаемыми из Крыма служилыми татарами, вызвала неоднозначное отношение в руководстве посоль-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.4, лл. 84–85.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.3, л. 91.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д.1, л. 15.

ского приказа. Прежде всего это касалось материальных выплат. В «наказе» послам И. Спешневу и Б. Нестерову указывалось, что общая сумма выплат «жалования» Ахмед-паше «русским числом» составляет 900 рублей. Теперь ему посылалось «рядовое» жалование, количество которого в «наказе» не уточнялось, а прочее жалование будет ему роздано послами в Крыму «смотря по его службе»⁴⁸. Было решено воздержаться от присылки «разменного жалования» Ахмед-паше при посольском размене под Волуйками. Между тем, еще в сентябре 1614 г., в своем послании на имя царя Федора Ивановича, Ахмед-паша сообщил о своем скором отходе от дел. Ахмед-паша намеревался совершить хадж в Мекку, что в политической традиции Крымского юрта означало своеобразный «уход в отставку» из состава «ближних царевых людей», требуя выплат «запросов» на совершение хаджа⁴⁹. «Запросные деньги» были высланы в сумме 200 рублей.

После прибытия посольства князя Г.К. Волконского и П. Огаркова из Крыма, вместе с отправленным в Москву крымским посольством Булатулана, при осуществлении «ссылок» с Крымом для руководителей московской дипломатии оставалась проблема взаимоотношений с Яшлавскими, что было связано с конфликтной ситуацией во время посольского размена под Волуйками, в июне 1615 г., когда Ахмед-паше не было выдано испрашиваемое им «разменное жалование». Глава клана Яшлавских затягивал посольский размен направляя своих гонцов в Москву⁵⁰. В ходе конфликта, когда Ахмед-паша отказывался вести в Крым послов было решено выдать ему «жалование» из «резервного фонда» послов И. Спешнева и Б. Нестерова. Была удовлетворена в том числе, и просьба выдать Ахмед-паше «жалование» за его погибшего во время похода на Речь Посполитую сына Тин-мурзу [13, с. 84]. «Разменное жалование» Ахмед-паше обещали непременно доставить позднее, но так и не доставили. Впоследствии при аудиенции у хана Джанибек-Гирея, в июле и в октябре 1615 г., послы И. Нестеров и Б. Спешнев в объемной «речи» красочно описывали эту ситуацию: якобы «разменное жалование» не успели доставить в Волуйки⁵¹. В конечном итоге Ахмед-паша благополучно доставил посольство И. Спешнева и Б. Нестерова к Перекопу, где в это время, как и в 1614 г., пребывал хан, готовясь к очередному походу на Речь Посполитую⁵².

Посольский размен под Волуйками показал явное нежелание московских властей посылать Ахмед-паше и представителям его клана «разменное жалование». Москва вообще стремилась не придавать посольским разменам характер посольских съездов с прибытием к Волуйкам большого количества мурз, большей части принадлежавших к клану Яшлавских. Во время одной аудиенции у хана послы И. Нестеров и Б. Спешнев попытались понизить «статус» посольского размена, но безуспешно. Вместе с тем обострение конфликта с Яшлавскими было не в интересах послов. В обстановке сложившейся в тот момент общности военно-политических интересов Бахчисарая и Мо-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д.1, л. 71.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д.1, л. 72.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1614 г. Д.3, лл. 3–12.

⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д.2, лл. 88–89.

⁵² Возвращающееся из Москвы посольство Мустафы-мурзы Ахмед-паша отправил в Крым сразу же после его прибытия к Волуйкам.

сквы, направленных против Речи Посполитой, необходимо было по возможности избегать столкновений с главными «ближними царевыми людьми» по «материальным вопросам». Как отметил А.А. Новосельский, «торгуясь за каждую сотню рублей, шубу и за каждые сорок соболей московское правительство учитывало общую благоприятную обстановку» [13, с. 85].

В первые месяцы пребывания послов И. Спешнева и Б. Нестерова в Крыму роль Ахмед-паши и в деловой, и в церемониальной части приема посольства оставалась ведущей. 24 июля он встретил послов у шатра во время аудиенции у хана около Перекопа⁵³. После аудиенции он провожал послов из шатра вместе с братом Ибрагим-мурзой, но и с Мусабек-агой⁵⁴. После выступления хана в поход на Речь Посполитую Ахмед-паша вновь как и предшествующее посольство сопровождал послов в Яшлов, куда они двинулись 28 июля⁵⁵. На реке Альма Ахмед-паша организовывал аудиенцию послов у калги Девлет-Гирея⁵⁶. По пути в Яшлов 19 августа Ахмед-паша единолично вел переговоры о возможной координации действий русских и крымских войск в ходе начавшегося похода хана Гази-Гирея II на Речь Посполитую, демонстрируя приверженность «доброму делу»⁵⁷. Однако уже 23 августа, явившись к послам, он требовал выдачи ему дополнительного «жалования»⁵⁸.

Вместе с тем Мусабек-ага по-прежнему оставался лицом, не уступающим Яшлавским по политическому влиянию, что проявилось во время аудиенции у хана 24 июля, когда он при произнесении посольских «речей» опускал послов «на коленки» перед ханом вместе с Ахмед-пашой и принимал у них грамоту хану от царя Михаила Федоровича⁵⁹. При пребывании посольства Б. Нестерова и И. Спешнева участие в этой церемонии являлось показателем высокого статуса «ближних царевых людей»⁶⁰. Показательно, что еще до аудиенции Мусабек-ага и Ахмед-паша вместе вели с послами переговоры. При этом Ахмед-паша заявил послам, что Мусабек-ага «у царя человек ближний и царь его во всем слушает», потребовав выплаты ему особого «жалования»⁶¹. Вероятно Ахмед-паша не без оснований предполагал, что после его отъезда Мусабек-ага начнет конфликтовать с его братом Ибрагим-мурзой. Между тем, еще во время посольского размена под Волуйками князь Г.К. Волконский предупреждал Б. Нестерова и И. Спешнева о необходимости увеличения «жалования» Мусабек-аге, потому что «службы его государю много» [13, с. 84]. Возможно, что опытный Волконский предполагал, что Мусабек-ага в скором времени будет оспаривать «амиатство» у Яшлавских.

⁵³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 51.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 56.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 53.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 54–55.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 37–42.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 42–44.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 52.

⁶⁰ «Наказы» русским послам предписывали по возможности произносить «речи» на аудиенции стоя, но во избежание конфликтов опускаться на коленки перед ханом им разрешалось. Интересно, что князь Г.К. Волконский при произнесении «речей» на коленки не опускался.

⁶¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 53.

В сентябре послы прибыли в Яшлов, где дождались возвращения хана Джанибек-Гирея из похода. Между тем в октябре Ахмед-паша уже отсутствовал в Крыму⁶². По всей видимости он отбыл совершать хадж в сентябре.

После отбытия в Мекку Ахмед-паши влияние Мусабек-аги усиливается. 7 октября в Бахчисарай из Москвы прибыл гонец Семейка Андреев с грамотами хану. 8 октября Мусабек-ага в ответ на просьбу послов об аудиенции с участием вновь прибывшего гонца дал им фактический отказ. Первоначально речь шла о выдаче 300 рублей и шуб, затем требования ужесточились. 13 октября он попытался обусловить предполагаемую аудиенцию у хана выплатой «жалования» в количестве несколько тысяч рублей⁶³. Это встретило противодействие Ибрагим-мурзы, к которому обратились послы. В итоге на следующий день аудиенция состоялась. Причем объявил послам об этом Ибрагим-мурза⁶⁴. На аудиенции, у ворот дворца, послов и гонца встречал «казначей» Сейт-Казы, «являл» их хану и принимал грамоты Мусабек-ага. Ибрагим-мурза в очередной раз при произнесении И. Спешневаым «речи» посадил его на коленки⁶⁵. Аудиенция 14 октября вылилась в выяснении вопроса о количестве «жалования». «Речи» послов на аудиенции излагали отказ на претензии Мусабек-аги и Яшлавских.⁶⁶ Вновь встал вопрос о выплате «разменного жалования» при очередном посольском размене. После аудиенции «на дворе» произошло очередное препирательство послов с «ближними царевыми людьми» – Мусабек-агой, «казначеем» Сеит-Казы, «князем» Карой и Ибрагимом-мурзой. Мусабек-ага занимал особо агрессивную позицию, угрожая задержанием посольства и срывом посольского размена⁶⁷. Ибрагим-паша небезосновательно усмотрел в действиях Мусабек-аги угрозу своим интересам. В конце ноября дело дошло до конфликта между Мусабек-агой и Ибрагим-мурзой. 22 ноября после прибытия из Москвы служивого татарина послы известили и Мусабек-агу, и Ибрагим-мурзу о скором отпуске из Москвы крымского посольства⁶⁸. Необходимо было начать подготовку к посольскому размену. В тот же день Ибрагим-мурза пригласил послов на аудиенцию к хану. По прибытии во дворец гонцов встретил Мусабек-ага, который, объявив им о скором отпуске, вновь потребовал гарантий получения им «жалования». Однако после препирательств послы были допущены к хану, где их встретил и явил уже Ибрагим-мурза. При произнесении «речи» И. Спешнева и Б. Нестерова «усадил на кленки» перед ханом только Ибрагим-мурза, фактически «отодвинув» Мусабек-агу. Однако «ответ» на «речи» послов давали и Ибрагим-мурза, и Мусабек-ага, которые сообщили, что для известия о скором отправлении в Москву нового крымского посольства туда отпускается Б. Нестеров⁶⁹. После завершения аудиенции Мусабек-ага вновь вел безуспешные препирательства с послами о выдаче ему дополнительного «жалования»⁷⁰.

⁶² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 74.

⁶³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 82–83.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 85–86.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 87.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 90–91.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 92.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 102. Посольство Белек-улана было отпущено в декабре 1615 г. [11, с. 337].

⁶⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 105–107.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 107–110.

А.А. Новосельский, рассматривая ситуацию, связанную с действиями Мусабек-аги осенью 1615 года, сделал вывод о том, что «Спешнев не сумел поладить с Ибреим-мурзой Сулешевым, сменившим Ахмед-пашу в роли амията, допустив бестактность, нарушив его привилегию быть единственным посредником в отношениях с крымским правительством» [13, с. 84]. Однако «бестактность» Спешнева была вызвана действиями Ахмед-паши, который накануне отъезда в Мекку сам указал послам на необходимость учитывать интересы Мусабек-аги⁷¹.

Тем не менее в ноябре 1615 г. хан начал подготовку к посольскому размену. В Москву с извещением об отпуске русского посольства были посланы гонцы во главе с Аллаш Богатыром, прибывшие туда в феврале 1616 г. [11, с. 337]. С ними прибыл Б. Нестеров. И. Спешнев остался в Крыму.

Между тем во внешнеполитическом положении Крымского ханства намечались серьезные изменения: обозначилась угроза вовлечения Крыма в очередную войну Порты с Сефевидами [12, с. 276; 13, с. 337]. Это было чревато изменениями в военно-политической ситуации в Восточной Европе: сходила на нет угроза крымских нападений на Речь Посполитую. Первые сведения об угрозе со стороны «казылбашев», связанные с переходом к ним претендента на крымский престол Шагин-Гирея, послы получили уже в августе 1615 г.⁷² В феврале 1616 г. эти сведения подтвердились⁷³. В этих условиях И. Спешневу было необходимо добиться скорейшего отпуска и организации прибытия нового посольства. 25 марта прошли переговоры И. Спешнева с Ибрагим-мурзой. В ходе переговоров выяснилось, что конфликт Ибрагим-мурзы и Мусабек-аги улажен⁷⁴.

4 апреля 1616 года состоялась отпускная аудиенция И. Спешнева, на которую его пригласил Ибрагим Яшлавский. Перед аудиенцией у ханского дворца послов встретил Мусабек-ага. Во время аудиенции при произнесении «речей» на «коленки перед царем посла поставили» Мусабек-ага и Ибрагим Яшлавский⁷⁵. После аудиенции «ближние царевы люди» вышли к послу для проведения заключительных переговоров. На этот раз они перечислялись послами в следующей последовательности: Мусабек-ага, «казначей» Сеит-Казы, «князь» Кара, «князь» Иссей и Ибрагим Яшлавский. Мусабек-ага стремился доминировать на переговорах. Однако провести посольский размен было поручено ханом Ибрагиму Яшлавскому. В дальнейшем именно он вел переговоры с послами о его подготовке. В апреле и мае он уже именуется Ибрагимом «князем Сулешевым – главой клана Яшлавских»⁷⁶. Вероятно Ахмед-паша скончался во время своего хаджа.

⁷¹ В труде А.А. Новосельского Мусабек-ага назван «Бек ага», а Ибрагим-мурза – «Ибреим-паша».

⁷² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 53.

⁷³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 135.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 147.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, лл. 165–166.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д. 2, л. 142, 165.

Между тем вне переговоров с «ближними царевыми» людьми возобновились контакты И. Спешнева с князем Александром Араслановичем Урусовым. Он прибыл к послу 31 января 1616 года по своей инициативе и поведал о своем стремлении содействовать «доброму делу» между московским царем и крымским ханом, вновь подчеркнув, что Урусовы обладают в Крыму серьезным влиянием⁷⁷.

Наконец в мае 1616 г русское посольство было отпущено вместе с новым крымским послом Мухаммедом-агой. В июле 1616 г. оба посольства благополучно прибыли в Москву [11, с. 338]. Посольский размен состоялся у Валуек. Его проводил Ибрагим «князь Сулешев», которому было прислано «разменное жалование». В Крым вместе с отпущенным посольством Белекулана и большой группой гонцов прибыло посольство Ф. Челюскина и П. Данилова. Механизм дипломатических «ссылок» между Москвой и Бахчисараем обрел устойчивые формы. В значительной степени этому содействовало опирающееся на почти вековой опыт понимание руководителями московской дипломатии политических реалий Крымского ханства.

С момента возобновления «ссылок» с Крымом во время пребывания посольств А. Лодыженского и П. Данилова, князя Г.К. Волконского и П. Огаркова, И. Спешнева и Б. Нестерова в Москве достаточно ясно представляли расстановку сил в политической элите Крымского ханства. Роль Яшлавских князей «Сулешевых» по-прежнему оставалась ведущей при осуществлении дипломатических «ссылок», при фактическом признании их «амиатства» ханом Джанибек-Гиреем и остававшимися в Крыму представителями династии Гиреев, а также ведущими членами дивана. Подтвердилось намерение Яшлавских контролировать ход посольских разменов при обязательной выплате «разменного жалования». После отхода от дел Ахмед-паши Яшлавского, осенью 1615 года Ибрагим-мурза фактически наследовал ему и как глава клана, и как лицо ответственное в ханском диване за «ссылки» с Москвой. Некоторое усиление роли Мусабек-аги не привело к ослаблению позиций Яшлавских. Обозначился отход клана «князей Куликовых» от активного участия в «ссылках» с Москвой. При этом Яшлавские выступали как своеобразные «гаранты» получения «жалования» из Москвы другими кланами крымской знати. Вместе с тем борьба за контроль над «московским направлением» внешней политики Крыма, с получением значительных «материальных выгод» в связи с выплатой «жалования», не в полной мере отражала внимание крымской знати к отношениям Крымского ханства и Русского государства. Налицо были политические амбиции князей Урусовых, не связанные напрямую с «материальными вопросами». Обозначилась проблема взаимоотношений двух ветвей клана Мансуров, в скором времени ставшая одной из ключевых в русско-крымских отношениях, из-за усиления политического влияния Кантемира-мурзы. Показательно, что русские дипломаты в Крыму своевременно уловили эти тенденции. Это позволило руководству посольского приказа учитывать расстановку сил в политической элите Крымского ханства при отправлении следующего посольства в Крым Ф. Челюскина и П. Дани-

⁷⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1 1615 г. Д.2, лл. 133–134.

лова (1616–1617), которому пришлось действовать в другой ситуации, связанной с участием хана Джанибек-Гирея в войне против Сефевидов и обозначившейся угрозой возобновления крупномасштабной войны Речи Посполитой против Русского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) // Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.). Материалы изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском Университете. М., 1918. 328 с.
2. *Беляков А.В.* Крымские выходцы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 137–157.
3. *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2007. С. 26–73.
4. *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560-х – 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток (ORIENS). 2016. № 5. С. 25–41.
5. *Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158–174.
6. *Виноградов А.В.* Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 62–77.
7. Дворцовые разряды: в 5 т. Т. 1: 1612–1628. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. С. I–XXXVI, стлб. 1–1234.
8. *Зайцев И.В.* Политическая история Крымского ханства в XVI–XVII вв. // История Крыма. Т. 1. М.: Фонд «Связь эпох», 2017. С. 392–405.
9. *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 146–156.
10. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. X. Симферополь, 1890. С. 9–10.
11. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 485 с.
12. *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005 Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 238–282.
13. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 448 с.
14. *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 1. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2019. 784 с.
15. Разрядные книги 1598–1638. М.: Институт истории СССР, 1974. 398 с.
16. *Сергеев А.А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 году (К 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых) //

Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Т. 50. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1913. С. 7–19.

17. *Сергеев А.А.* Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подъячому Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Т. 50. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1913. С. 20–56.

18. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды М.: Восточная литература, 2001. 752 с.

19. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.

Сведения об авторе: Александр Вадимович Виноградов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7241-8671. E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Поступила 20.01.2020 Принята к публикации 8.06.2020

Опубликована 29.06.2020

REFERENCES

1. Akty vremeni Lzhedmitriya I (1603–1606 gg.) [Acts of the False Dmitry I's time (1603–1606)]. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva (1604–1613 gg.). Materialy izdannye Imperatorskim Obshchestvom istorii i drevnestey rossiyskikh pri Moskovskom Universitete* [The Time of Troubles of the Muscovite State (1604–1613). Materials Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, 1918. 328 p. (In Russian)

2. Belyakov A.V. Krymskie vykhodtsy v Rossii: sluzhba i pravovoy status [Crimean natives in Russia: service and legal status]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 137–157. (In Russian)

3. Vinogradov A.V. Rod Sulesha vo vneshney politike Krymskogo khanstva vtoroy poloviny XVI v. [The Sulesh's kin in the foreign policy of the Crimean Khanate of the second half of the sixteenth century]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Studia Turkologica, 2005: Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. Moscow: Oriental literature, 2007, pp. 26–73. (In Russian)

4. Vinogradov A.V. Sostav politicheskoy elity Krymskogo khanstva v 1560-kh – 1590-kh gg. po materialam russkoy i pol'sko-litovskoy posol'skoy dokumentatsii [Composition of the political elite of the Crimean Khanate in the 1560s–90s according to the materials of Russian and Polish-Lithuanian embassy documentation]. *Vostok=Oriens*. 2016, no. 5, pp. 25–41. (In Russian)

5. Vinogradov A.V. Posol'stvo knyazya Grigoriya Konstantinovicha Volkonskogo v Krym 1614–1615 gg. [Embassy of Prince Grigory Konstantinovich Volkonsky to Crimea in 1614–1615]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4: Istoriya, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University,

Series 4: History, Regional Studies, International Relations]. 2019, vol. 24, no. 2, pp. 158–174. (In Russian)

6. Vinogradov A.V. Russko-krymskiy posol'skiy s"ezd pod Livnami osen'yu 1593 goda [Russian-Crimean ambassadorial congress near Livny in the autumn of 1593] *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar states]. 2015, no. 7, pp. 62–77. (In Russian)

7. *Dvortsovye razryady: v 5 t.*, T. 1: 1612–1628 [The Court Razriady in Five Volumes, Vol. 1: 1612–1628]. St. Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Office, 1850. xxxvi p. + 1234 col. (In Russian)

8. Zaytsev I.V. Politicheskaya istoriya Krymskogo khanstva v XVI–XVII vv. [Political history of the Crimean Khanate in the sixteenth and seventeenth centuries]. *Istoriya Kryma* [The History of Crimea]. Vol. 1. Moscow: Foundation “Communication between the eras”, 2017, pp. 392–405. (In Russian)

9. Zaytsev I.V. Sud'ba aristokrata. Ak-Mukhammed-oglan i ego syn Fedor [Destiny of a nobleman: Aq-Muhammed-oglan and his son Fedor] *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 146–156. (In Russian)

10. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI–XVII vv., khanyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhivе Ministerstva Inostrannykh del [Monuments of diplomatic relations of the Crimean Khanate with the Moscow State in the sixteenth and seventeenth centuries stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. Vol. X. Simferopol, 1890, pp. 9–10. (In Russian)

11. Liseytshev D.V. *Posol'skiy prikaz v epokhu Smuty* [Ambassador's Order during the Time of Troubles]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003. 485 p. (In Russian)

12. Liseytshev D.V. Russko-krymskie diplomaticheskie kontakty v nachale XVII stoletiya [Russian-Crimean diplomatic contacts in the beginning of the seventeenth century]. *Tyurkologichesiy sbornik*, 2005: *Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Studia Turkologica, 2005: Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. Moscow: Oriental literature, 2006, pp. 238–282. (In Russian)

13. Novosel'skiy A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* [Fight of the Muscovite State against Tatars in the first half of the seventeenth century]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1948. 448 p. (In Russian)

14. *Razryadnye knigi 1598–1638* [The Official Order Books of 1598–1638]. Moscow: Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1974. 398 p. (In Russian)

15. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [Dumnye and Room People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Research]. Vol. 1. St. Petersburg: “Dmitry Bulanin” printing house, 2019. 784 p. (In Russian)

16. Sergeev A.A. Posol'stvo Amvroziya Lodyzhenskogo i pod'yachego Petra Danilova v Krym v 1613 godu (K 300-letnemu yubileyu Tsarstvuyushchego Doma Romanovykh) [Amvroziy Lodyzhensky and Petr Danilov's's embassy to Crimea in 1613 (to the 300th anniversary of the reigning Romanov dynasty)]. *Izvestiya Tavricheskoy Arkhivnoy Uchenoy Komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. Vol. 50. Simferopol: Printing house of the Tauride Provincial Zemstvo, 1913, pp. 7–19. (In Russian)

17. Sergeev A.A. Nakaz, dannyy otpravlennym v Krym poslannikam Ambrosiyu Lodyzhenskomu i pod'yachemu Petru Danilovu, s ob'yavleniem ob izbranii na Rossiyskoe tsarstvo gosudarya Mikhaila Fedorovicha. S otpiskami ikh i stateynym spiskom bytnosti ikh v Krymu [Instructions to ambassadors to Crimea, Ambrosiy Lodyzhensky and Petr

Danilov, announcing the election of the Russian Tsar Mikhail Fedorovich]. *Izvestiya Tavricheskoy Arkhivnoy Uchenoy Komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. Vol. 50. Simferopol: Printing house of the Tauride Provincial Zemstvo, 1913, pp. 20–56. (In Russian)

18. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Oriental literature, 2001. 752 p. (In Russian)

19. Trepavlov V.V. Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian princely clans of the Nogai origin (genealogical sources and early history)]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 2002* [Studia Turkologica, 2002]. Moscow: Oriental literature, 2003, pp. 320–353. (In Russian)

About the author: Aleksandr V. Vinogradov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7241-8671. E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Received January 20, 2020 Accepted for publication June 8, 2020

Published June 29, 2020